

П О С Л А Н И Е
КЪ К. Н. Б. Ю * * * (*).

Отъ съверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, спрурясь, дохнепъ Зефиръ,
Лишь только первая позеленѣєпъ липа,
Къ тебъ, привѣтливый попомокъ Аристиппа,
Къ піебъ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палипра и рѣзецъ
Ученой прихоти птвоей повиновались
И, вдохновенныя, въ волшебствѣ соспязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни пты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искаль возможнаго, умѣренно прооказилъ;
Чредою шли къ тебъ забавы и чины.
Посланникъ молодой Увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней, и Циникъ поѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пропырливый и смѣлый,
Свое владычество на Съверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ распоочаль избытокъ,
Ты лесть его вкусимъ, земныхъ бгствъ напитокъ.

(*) Въ семъ классическомъ посланіи *Протей-Пушкинъ* яв-
ляеть намъ *Шольё и Вольтера*. Оно напоминаетъ посла-
ние нашего блеснящаго Батюшкаго къ *И. М. Муравьеву-
Апостолу*, и взято пами изъ *N. 30 Литературной Га-
зеты*, конорая украшається стихотвореніями *Пушкина*,
Баратынскаго, *Барона Дельвига* и прозою *Князя Вя-
зескаго*, *Пушкина*, *Барона Дельвига*.

Мы уже не однъ разъ говорили о достоинствахъ
сей Европейской газеты въ *Русскомъ Инвалидѣ*; пе-
перь знакомимъ съ нею читателей *Славянина*.

Съ Фернеемъ распроспясь, увидѣлъ ты Версаль.
 Пророческихъ очей не проспирая вдалъ,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чemu судьбой обречена,
 Рѣзвиласъ, вѣпренымъ дворомъ окружена.

Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ опь сладкой ихъ отправы;
 Ученье дѣгалось на время твой кумиръ:
 Уединялся ты. За твой суровый пиръ
 То читатель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ,
 Садился Дiderонть на шапкѣ свой преножникъ,
 Бросаль парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
 И проповѣдовалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной Аѳею иль Денестру,
 Какъ любопытный Скинъ Аѳинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твоє внимание. Твой взоръ
 Прилежно разобралъ сей двойственныи соборъ:
 Здѣсь напискъ пламенныи, а тамъ опоръ суровой,
 Пружины смѣлыя граждансвенности новой.

Скукал, можетъ бытъ, надъ Темзою скупой;
 Ты думалъ далъ плыть. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснуя передъ тобою.

Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ спалъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
 Объ нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходила сладоспрастно,

Какъ пылкій отрокъ воспорговъ полный сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядяще и не спрашась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иносранца;
 И ты, вспревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, плѣнительный предѣль!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зреютъ....
 О, рассказжи жь ты мнѣ, какъ жены тамъ умываютъ
 Съ любовью набожность умильно сочеташъ,
 Изъ-подъ машинки знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшѣтки,
 Какъ злапомъ усыпленъ надзоръ угрюмой шёшки;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

 Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
 Паденіе всего, союзъ Ума и Фурії,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,
 Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Фернѣй умолкъ. Пріятели твои Вольтеръ,
 Превращеніи судебъ разищельный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донынѣ спираниствуещъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальянни, Дидеропъ,
 Энциклопедіи скептическій причётъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Каспи,
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мгнья, шоки, спраски

Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое испрея.

Свидѣтельями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.

Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесить приходъ.

Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о спихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,

Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все топтъ же ты. Сступивъ за твой порогъ

Я вдругъ переношусь во дни Екатерины,
Книгохранилище, кумиры и картины,

И стройные сады свидѣтельствующъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты Музамъ въ пишицѣ,

Что ими въ въ праздности ты дышешьъ благородной,
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной

Исполненъ юности. Вліянье красопы
Ты живо чувствуешь. Съ воспортомъ цѣнишь ты

И блескъ А * * * и прелестъ * * *.

Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,

Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насыщливо въ окно глядишь на нихъ

И видишь оборотъ во всемъ кругообразной.

Такъ вихоръ дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,

Въ шини сапфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ,

И къ нимъ издалека то воинъ, то Ораторъ,
То консулъ молдой, то сумрачный Дикшаторъ

Являлись день другой роскошно опдохнуть,
Вздохнуть о приспани и вновь пуститься въ путь.

A. Пушкинъ.

Москва, 1830.

